

заяв патриарший престол, низложил епископов, поставленных его врагом Фотием, и заменил их своими ставленниками. Среди низложенных и замененных мог быть и русский епископ.¹

Можно признать, что в сообщении Константина есть доля исторической истины. Заботы о христианизации Руси как нельзя более соответствуют общему (в этом отношении) направлению деятельности Василия Македонянина. Известны его старания утвердить православие в Болгарии. При Василии приняли христианство пелопоннесские славяне. При нем же настойчиво, хотя и безуспешно, проводилось насильственное обращение евреев в христианство. Следовательно, имеются основания допустить, что при Василии и Игнатии крестились и некоторые группы населения Киевской Руси. Подтверждением этого может служить ватиканский кодекс болгарского перевода летописи Манассии, к которому добавлено несколько глосс болгарского переводчика XIV в., говорящих о крещении Руси при Василии I.² Константин, однако, умалчивает о роли Болгарии в христианизации Руси.

Установленная Фотием и Игнатием церковная иерархия по греческому образцу на Руси едва ли пережила политический переворот в Киеве, о котором рассказывает „Повесть временных лет“ (под 882 г.), но христианская община здесь не погибла. Христианизация Киевской Руси была вековым, длительным процессом, в котором до официального крещения при Владимире болгаро-славянское христианство оказывало более активное воздействие на древнюю Русь, чем христианство византийское.³

У нас есть серьезные данные полагать, что богослужение в Киеве в конце IX в. совершалось на славянском языке и по книгам славянским, получаемым из Болгарии. Таким образом, можно думать, что письменность на Руси появилась вместе с христианством.

Открытия советской археологии все больше разрушают ошибочное представление о крайне слабом развитии письменности на Руси в X в. Гнездовская надпись, недавно обнаруженная Д. А. Авдусиным и М. Н. Тихомировым, показывает, что грамотность на Руси восходит к концу IX в. и начальным десятилетиям X в., причем русская письменность была с самого начала славянской (кирилловской).⁴ Если мы вспомним, что кириллица была распространена в Болгарии, с которой Русь в X в. имела оживленные сношения, то ее распространение на Руси представляется вполне закономерным. Соседняя и родственная нам славянская страна переживала в конце IX в. значительный подъем своей культуры. Правда, дошедшие до нас русские источники мало говорят о русско-болгарских отношениях, но это не значит, что их не было. Исследования А. А. Шахматова и М. Д. Приселкова выяснили в значительной степени судьбу этих источников, подвергавшихся неоднократно тенденциозной переработке, при которой в них тщательно

¹ Б. Мелиоранский. Рецензия на кн. А. Васильева „Византия и арабы“. „Византийский Временник“, 1893, вып. 3, стр. 569.

² См. С. Шевырев. О славянских рукописях ватиканской библиотеки. ЖМНП, 1839, т. XXII, стр. 106—114; А. Д. Чертков. О переводе Манассиевой хроники на славянский язык, М., 1842; Его же. Описание войны великого князя Святослава Игоревича, М., 1848; Н. П. Кондаков. История византийского искусства и иконографии по миниатюрам греческих рукописей. Одесса, 1876; П. А. Сырку. Время и жизнь патриарха Евфимия Терновского, стр. 442.

³ Научно-исторический журнал под ред. проф. Н. И. Кареева в 1914 г., № 4, стр. 32.

⁴ Д. А. Авдусин и М. Н. Тихомиров. Древнейшая русская надпись. „Вестн. АН СССР“, 1950, № 4, стр. 78.